

Лев Аркадьевич Экономов родился в 1925 году. Родился и учился в Ярославле. В 1942 году ушел добровольцем в Советскую Армию, участвовал в Великой Отечественной войне. Был сначала авиационным механиком в штурмовом полку, потом воздушным стрелком.

В центральных издательствах вышло 13 его книг.

Издание выпускается в авторской редакции.

«Федеральная целевая программа книгоиздания России»

Издание осуществлено при финансовой поддержке международной общественной организации писателей «Литературный фонд».

4072010202 — 0752
Э 6М4 (03) — 95 Без объявл.

ISBN 5—7612—0279—4

© Экономов Л., 1995
© «РБП», состав, оформление, 1995

Составитель Библиотечки — В. А. Ленцов. Редактор — В. П. Максимов.
Художник — И. А. Шиляев. Корректор — И. Е. Данилина.

Технический редактор — Н. С. Шуршалова.
Тираж 1000 экз. Цена договорная. Заказ 8521. Типография № 6 ВИ

50 лет ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

РЕКЛАМНАЯ
БИБЛИОТЕЧКА
ПОЭЗИИ

ЛЕВ
ЭКОНОМОВ

САМОЛЕТ ШЕЛ
КУРСОМ НА СВИРИЦУ

«РБП», Москва, 1995

САМОЛЕТ ШЕЛ КУРСОМ НА СВИРИЦУ

Рассказ-быль

Выполняя челночные полеты между блокадным Ленинградом и Большой Землей, один из рейсов мы должны были совершить на восточный берег Ладожского озера: доставить минометы и снаряды для морских пехотинцев, сработанные руками питерцев. Разрешение на вылет получили вечером, потому что фашисты с утра обстреливали из дальнобойных орудий район аэродрома. Когда командир экипажа разворачивал машину возле выложенного на снегу из черных полотнищ «Т», я увидел в сумраке бегущего к самолету человека.

— Что там еще стряслось, магическая сила! Макар, выясни, — обратился он к сидевшему справа второму пилоту Берестову.

В нем мы узнали клепальщика из ремонтной мастерской, помогавшего нашим технарам заделывать в плоскости пробоины от осколков снаряда.

— Ради бога, возьмите Дуню, пропадет она, — просяще заговорил клепальщик.

— Какую еще Дуню?

— Сестру мою. На сносях она. И совсем без присмотра. Мужик ейный ушел в ополчение и ни слыху, ни дыху. А врачи упредила: роды будут тяжелые. Может, потребуется хирург. Такой факт.

Механик выбросил железную стремянку и принял из рук женщины узелок с вещами для младенца.

— У нее что, на подходе? — бесцеремонно спросил он у ремонтника.

— Семь месяцев.

— Веселенько кино.

Клепальщик стал суетливо подсаживать сестру. На верхней ступеньке она поскользнулась и тяжело рухнула вниз, вскрикнув то ли от испуга, то ли от боли. Но Берестов не выпустил ее тощей, как картофельная плеть, руки. Механик ловко подхватил женщину за ворот, наполовину оторвав его, и они втащили ее в самолет. Она дрожала, судорожно скав рот, ноги не держали ее.

— Вам плохо?

— Нет, нет, что вы. Сейчас пройдет, — она даже попыталась выдавить улыбку, боясь, что мы высадим ее. А в глазах стоял неисчезающий страх.

Мы расположили женщину между ящиков со снарядами, на ватных моторных чехлах, возле неподвижно сидевшего за столиком радиста с наушниками на голове, как всегда сосредоточенного на своем деле. То место, куда ее устроили, было самым просторным в фюзеляже. К тому же хоть как-то освещалось лампочкой радиста.

Находясь возле своей башенной турельной установки с пулеметом, я время от времени посматривал на женщину. Вид ее удручен: кожа да кости, а опухшие от голода ноги как две тумбы. Даже голенища у валенок были разрезаны. И еще живот, горой вздымающийся над синим коробившимся плащом, надетым поверх ватной фуфайки. Казалось, она вся ушла в себя, в ожидании чего-то неведомого и страшного.

— Располагайтесь, как дома, — подбодрил Берестов женщину.

Конечно, удобствами в нашем громоздком, доживавшем свой век «дилижанссе», как говорится, и не пахло. От промасленных и драных чехлов на версту несло бензином. Здесь же лежали сумки с инструментами, подогреватели, стремянка, стояло ведро, куды мы травили во время воздушной круговерти и болтанок, когда наизнанку выворачивало внутренности. Тут больше всего доставалось нам — воздушным стрелкам, стоявшим за своими турельными пулеметами на высокой тумбе в задней части фюзеляжа, которая раскачивалась и скрипела, как корабельная мачта во время шторма. Да и моторы ревели так громко, что иные летчики, долгие годы летавшие на тяжелых бомбардировщиках, становились тугоими на ухо. А по непрестанно сотрясавшемуся и дребезжащему фюзеляжу гулял ледяной сквозняк, как в худом промороженном сарае, и члены экипажа застегивали меховые одеялды на все застежки, надевали

на лица меховые маски, а на глаза очки и были похожи на инопланетян. И все-таки мы уже успели привыкнуть к нашему истрапанному «ТБ-3» и где-то даже им гордились. В тридцатых годах эти самолеты считались лучшими в мире.

— Взлетаю! — командир прожег свечи в моторах и, убедившись в их устойчивой работе, передвинул рычаги газа вперед до упора. Тяжело нагруженный корабль грозно взревел, задрожал весь, словно хотел стряхнуть с себя что-то, и, приседая на неровностях взлетной полосы, устремился вперед. Квадратообразный в профиле, малообтекаемый фюзеляж, открытая кабина пилотов, неубирающиеся шасси с огромными колесами, создавали большое лобовое сопротивление, и мы не могли развить скорость более ста пятидесяти километров в час.

Смеркалось, когда мы вышли к перевалочной базе Осиновец с высокой полосатой башней маяка, который был самым приметным ориентиром на западном берегу. Немцы часто бомбили его, но свалить семидесятиметровую громаду им так и не удалось. Здесь нас встретил юркий тупоносый ястребок, приветливо качнул короткими краснозвездыми крыльями, взмыл кверху, разрывая темно-серые космы облаков. Ему было поручено сопровождать нашу машину. Миновав Осиновец, где базировались корабли Ладожской военной флотилии, мы выключили бортовые огни и пошли вдоль окутанной спасительными сумерками «Дороги жизни» с намертью затертymi тут и там во льдах кораблями, которые еще несколько дней тому назад курсировали по ней, доставляя в город продукты питания, топливо, медикаменты и вывозя детей, женщин, стариков, больных и раненых, а также военную продукцию для фронта. Наш путь пролегал по прямой, как струна, линии в южной части озера, и сбиться с курса было трудно, но штурман не сидел сложа руки, потому что ветры над озером очень непостоянны, требовалось учитывать их силу и давать поправки на снос с курса. Беснующиеся потоки воздуха норовили выбить из рук пилота штурвал. Дрожавшую и скрежещущую машину кидало то вверх, то вниз.

Прошло минут десять — пятнадцать, и радист сообщил командиру, что женщины стало плохо. Кажется, начались роды.

Вот тебе и семь месяцев. Я тут же вспомнил, как поскользнулась она на занеделовой ступеньке. Наверное, от резкого движения все и началось. Командир велел второму пилоту посмотреть, в чем там дело.

— Если надо, помоги.

— Как помоги?! — испугался Берестов.

— Всеми имеющимися средствами.

«О каких средствах может идти речь?» — Неуютно стало Макару, жутковато, как перед первым прыжком с парашютом, но тогда он хоть знал, что делать.

Костров показал на аптечку и крикнул ему на ухо, стараясь казаться спокойным:

— Для рождения и смерти время не выбирают. Успеха тебе, — но Берестов заметил затаенную тревогу в его глазах.

А ночь густела, казалось, мы летели в самую ее пасть.

«И угораздило же несчастную...», — думал Берестов, пробираясь по темному, как туннель метро, фюзеляжу. Над женщиной склонился мой, так сказать, собрат по оружию, второй башенный стрелок с обшитой шинельным сукном флягой в руках, совсем еще мальчишка, взъерошенный и застенчивый. Он немного заикался, когда нервничал и предпочитал больше молчать, все кивал своей массивной головой, протягивая ей флягу с чаем, но женщина, кажется, даже не видела паренъка, распластавшись на чехле. Берестов понял: у нее начались схватки, и ему тотчас же пришли на память слова ее брата о том, что роды ожидаются тяжелыми и, возможно, потребуется помочь хирурга.

Помощь хирурга! Где же его было взять на самолете?! Однако время не ждало. Почти нечеловеческим усилием воли он взял себя в руки.

— Терпите, терпите, Дуня, — упрашивал он женщину, снимая с нее все, что мешало, а сердце его так гулко колотилось, что не смогли бы заглушить его и сотни ревущих моторов. — Приходилось раньше-то? — вопрошающе кричал он ей в ухо с надеждой услышать положительный ответ. Все-таки опять...

Она вскинулась, исказив лицо, может, и не слышала вопроса. Тут он вблизи увидел ее тощее, съеденное голодом тело и торчком стоявший живот. Все жизненные соки ушли на развитие новой жизни. В чем душа держалась. Ноги с темными варикозными венами на икрах были широко раскинуты.

— Ничего, Дуня, справимся. Только нужно постараться. Очень нужно! — своим криком Берестов подбадривал в первую очередь себя.

А самолет вдруг резко качнуло, бросило в сторону, словно нахлынувшей волной, и я почувствовал, как он, натужно взывая моторами, стал круто забирать вверх.

— В чем дело? — взглядел спросил меня Берестов.

— Акулы! — крикнул я, присев на тумбе, и снял спусковой крючок пулепета с защелки, ухватился за рукоятки, приготовившись к стрельбе. «Акулами» мы называли тяжелые двухмоторные истребители немцев «Ме-110» за их длинный тонкий фюзеляж и двухкилевой хвост. Они были вооружены двумя скорострельными пушками и пятью пулеметами.

Стрелок сунул Берестову в руки фонарик и бросился к турельной установке. Мы теперь стояли с ним на тумбе за своими пулеметами, смонтированными на верхней части ребристого фюзеляжа и бешено вращали турелями, стараясь поймать в прицел атаковавших нас сестрятников. Из стволов с треском высекивали споны огня, и белые отсветы бились и плясали на гофрированной обшивке самолета. Конечно, Берестов и сам бы предпочел оказаться в пилотской кабине — ведь фашисты навязали нам воздушный бой, но радист передал ему приказ командира оставаться с роженицей.

Костров решил укрыться в облаках, откуда «выковырнуть» нас было труднее, хотя это и грозило самолету обледенением. На машине стояли изношенные, почти выработавшие ресурс, моторы, к тому же она была перегружена (в войну все технические нормы загрузки были опрокинуты) и крайне медленно «накрепала» высоту.

В бой тут же ввязался наш истребитель сопровождения. Нелегко было «шишачку» отбивать атаки «мессеров», но пилот действовал энергично, лихо, используя свое преимущество в маневренности, и не допускал противника близко к нам, затруднял ему прицельный огонь. Красно-белые и зелено-голубые «шары» из их пушек пролетали мимо. Ему даже удалось поджечь одного фашиста и тот, описав огненную дугу, пробил лед и нашел себе смерть в пучине озера. Расстреляв весь боекомплект, советский истребитель, видно, решил последовать примеру Талалихина, совершившего в августе сорок первого беспримерный в истории воздушных боев ночной таран на «И-16». Но был подбит и, теряя высоту, пошел на вынужденную в сторону Вороного мыса, который ближе всего подходил к трассе нашего полета. Непроглядный мрак поглотил его. Сумели летчик дотянуть до земли, так мы и не узнали. Продолжая преследовать нас, второй «мессер» в конце концов прошил наш корабль очередью из пушек и проскочил вперед, пытаясь нырнуть в облака, чтобы оттуда снова атаковать нас, и тут попал под огонь спаренных пулеметов штурмана, свалился на крыло и стал беспорядочно падать вниз, волоча за собой шлейф красно-бурового дыма. Во время воздушной схватки на нашем самолете развернуло «бороду» водяного радиатора, и механику пришлось выключить крайний левый мотор.

А роды уже начались. Новое существо ежесекундно посыпало в мозг матери сигналы о своей готовности появиться на свет, все настойчивее требовало от нее усилий и терпения. Чтобы не было сквозняка, Берестов и радист соорудили из чехла полот, подвесили переносную лампу. Покончив с этим, второй пилот даже не забыл протереть руки имевшиеся в аптечке спиртом, подышал на них, согревая. Он старался показать свою готовность помочь ей, хотя и не знал, как это сделать, суетился возле нее, пытаясь понять, что ей нужно. А ей нужно было только одно — освободиться от бремени. Тело ее содрогалось в конвульсиях. Она напрягалась как пружина, тужилась и все кричала, но не так, как вначале, видно, немного свыкалась с болью, берегла силы для последнего решающего момента, а может, уже обессилела. К тому времени Берестов окончательно смирился с новой для себя участью, переборол стыд, как бы освоился и стал успокаивать женщину, хотя она вряд ли слышала его голос.

И вдруг схватки прекратились. Женщина затихла, словно впала в забытье. Берестов испугался этого больше, чем ее крика, скорее достал из аптечки пузырек с нашатырем и поднес к ее носу. Женщине вроде бы стало легче, и она благодарно провела рукой по его плечу.

— Ну, ну, голубушка... Не сачкуйте, пожалуйста, потом будем отдохнуть, — тормошил ее пилот. И его руки как бы сами, помимо воли, охватили ее огромный и тугой живот и соскользнули вниз, к ногам. Это было похоже на то, как мы выдавливаем из тубы содержимое.

— Давайте, давайте, Дуня, работайте, черт побери!

И его призыв, который, конечно, нельзя было услышать, его окоченевшие руки каким-то образом подействовали на женщину. Она снова напряглась, краснея перекосявшимся лицом, и закричала от вернувшейся к ней боли. А новое существо тем временем уже показалось. Пилот поддерживал его, слегка потягивая на себя. И что его поразило: у младенца было так много волос на голове. Они были темны и густы, даже слегка курчавились. И вот новорожденный у Берестова на руках. Мальчик. Личико с кулачком и сморщенное, как печеное яблоко. Чтобы не застудить малыша, пилот накинул на него пеленку, хотя тот и был еще связан с матерью толстым, перевитым, как электрический провод, жгутом, именуемым пуповиной, через которую дышал и получал питание в утробе. По подсказке роженицы Берестов перетянул этот жилистый жгут бинтом и перерезал, а младенца накрыл еще и шерстяным платком, потом чехлом, оставил только щечку для лица. И тут же мелькнула мысль: почему этот маленький человечек не раскрывает рта и не кричит как положено новорожденному, о чем Макар читал в книгах, не баражается. Почему у него такое синее лицо и закрыты глаза?

— Не дышит!

Расшевелил легкие, дать толчок немеющему сердцу, вот что надо. Нырнув с фонариком под чехол, Берестов с отчаянной надеждой начинает делать ребенку искусственное дыхание, как учили нас этому в школе на санитарных занятиях. Синеватое личико младенца напрягается, он начинает делать редкие вздохи, потом дышит чаще, краснеет и, широко открыв беззубый рот, заходится от крика.

— В нашем полку прибыло! — Берестов окутывает ребенка и женщину тряпками, которые были в узелке, накрывает еще одним чехлом от мотора, а мысли у него теперь о том, как сберечь этих беспомощных людей и доставить в больницу.

И тут его плеча коснулась рука стрелка.

— К-к-командир р-р-ранен! — прокричал он на ухо Берестову. Наказав радисту присматривать за женщиной, Берестов бросился в кабину пилотов. Костров сидел в кресле точно вкопанный в свою обычной, может, только более напряженной позе, чуть откинувшись назад, скимая руками полукружия штурвала. А над ним, склонившись, накладывал на голову повязку штурман.

Берестов немедленно занял свое место. Поставив ноги на перекошенные подрагивающие педали, он сразу почувствовал нагрузку на левую ногу. Машинайло застегнув на груди привязные ремни, взял в руки штурвал, который показался непривычно тяжелым и непослушным. Но теперь Берестов был снова бок о бок с командиром, и это, как всегда, придавало ему уверенности. Обежав взглядом арматуру кабины и приборы и не увидев ничего, что могло бы затруднить дальнейший полет, второй пилот повернулся к командиру и заметил, что его правая нога выше унтов перетянута стропой от парашюта. А на полу была лужа крови и от нее растекались мелко дрожавшие струйки. И тут Берестов обратил внимание на пулевые пробоины возле своего кресла в гофре алюминиевой обшивки.

«Значит... — у второго пилота даже дыхание пресеклось, — эти пули предназначались мне. А я был там, в фюзеляже, и они попали в командира». От этих мыслей Берестова бросило в жар. И всякий раз потом, когда они приходили Макару в голову, ему становилось не по себе, он чувствовал себя виноватым.

— Как там дела? — услышал он напряженный голос Кострова. При любых обстоятельствах командир оставался самим собой и в первую очередь думал о других.

— Родился мальчик. Вам плохо, командир?

— Прекрасно, — ответил Костров. И Берестов понял, эти слова относились к рождению ребенка.

Прошло несколько минут, и в кабине пилотов появился башенный стрелок:

— Она, к-к-кажется, снова...

— Что снова? — спросил командир.

— Рожает.

— Двойня! Вот магическая сила! Иди, Макарушка, у тебя теперь опыт, — проговорил Костров с придухианием.

— Нет! — сказал Берестов со всей твердостью, на какую был способен в свои двадцать лет, видя состояние командира. — Это послеродовые схватки. Но последних слов командир не услышал. Он потерял сознание, уронив голову на грудь. Привести в чувство Кострова не удалось. Его мертвенно-бледное лицо оставалось безжизненным. Командир как-то сразу состарился, глаза ввалились.

Теперь вся ответственность за пилотирование подбитого корабля легла на второго пилота. И сажать машину тоже предстояло ему. А между тем он ни разу этого не делал, не чувствуя рядом крепкой умелой руки командира. К тому же требовалось посадить самолет на трех двигателях, с неполной несимметричной тягой.

Мы летели под облачной наволочью, из которой всесыпалася и сыпалася мокрый снег, и это не могло нас не тревожить: переохлажденные облака нередко являлись причиной обледенения обтекателей силовых установок и лобовых частей самолета. Однако снизить высоту было тоже опасно. В любую минуту могли снова появиться «мессеры», а воздушного прикрытия у нас не стало. Вся надежда теперь возлагалась на облака, к которым мы и жались, чтобы в трудную минуту нырнуть в них.

Между тем наши опасения подтвердились: передний плексигласовый козырек пилотской кабины стал мутнеть и терять прозрачность и уже скоро покрылся инеем. Напрасно Берестов нажимал плунжер антиобледенительного устройства, чтобы выпустить на оргстекло струйку спирта — его в бачке не оказалось. Может, еще на стоянке к нему «приложились» технари, что случалось иногда, если мороз пробирал до костей, а может, засорилась подводящая трубка.

Но обледенение козырька полбеды. Ледяной коростой стала покрываться спереди и металлическая обшивка корабля, и на ней словно в зеркале трепетали вишнево-красные отсветы раскаленных выхлопных газов. Ухудшилась аэродинамика самолета и как следствие этого — его летно-технические данные. Под тяжестью ледяного панциря машина стала снижаться. Освободиться от него в полете, как это делается на современных самолетах, было нельзя.

Моторы нашего бомбардировщика не обладали большой мощностью, и вес в двадцать тонн (считая вес пустого самолета) для них был предельным. Они едва тянули перегруженную машину, завывая тяжко и надсадисто, будто жаловались на свою судьбу. А у нас к тому же один из двигателей не работал. И вот, приняв на себя дополнительный груз из льда, коотрый нарастал с каждой минутой, воздушный корабль начал самопроизвольно терять высоту.

А Костров все не приходил в себя. Берестов спросил у штурмана, сколько километров осталось до берега.

— Тридцать.

— Ладно, — сказал Берестов. — Прошу приготовиться к посадке. Смотрите, чтобы ящики там не грохнулись на женщину.

Считанные секунды отпускаются летчику для завершения полета, когда земное притяжение берет верх над уменьшаемой силой двигателей, и тут надо быть предельно внимательным и четко выполнять все операции, на их исправление времени нет, а малейшая ошибка может оказаться чреватой самыми неожиданными последствиями. Берестов попросил штурмана выпустить ракету и включил посадочные фары. Сквозь сыпавшуюся с неба снежную заметь

смутно проглядывалась внизу довольно ровная поверхность. Она летела нам навстречу со скоростью курьерского поезда. А что под снегом, мы не знали. Не исключались и торосы, и полыньи. Но выбора уже не было. Прежде чем коснуться колесами поверхности, пилот выключил двигатели, чтобы не случилось пожара.

Благодарение судьбе! Каким-то чудом Берестов посадил машину в районе Свирской губы в нескольких сотнях метрах от берега, низкого и пологого в этой части озера, во многих местах заболоченного. Но болото в ту пору уже сковало льдом. Так как посадочная площадка могла оказаться неприспособленной для пробега, Макар затормозил — и этим сократил его длину, но в конце самолет все-таки правым колесом угодил в какую-то впадину, круто развернулся, царапнув консолью по топорщившемуся льду и замер. Мы даже не поверили себе, что были уже на родной тверди и могли ееощупать руками. На минуту нам показалось, что сбросили с плеч многотонный груз и стали совсем легкими, почти невесомыми. Напряженное оглушительное безмолвие царило вокруг, а потрескивавшие горячие моторы еще больше подчеркивали тишину. Стоило Берестову чуть шевельнуться — и тупая ноющая боль от перенапряжения в полете прошла по всему телу. Он устало стянул шлем и вытер испарину на лбу, глубоко вздохнул и повернулся к командиру.

То ли обступившая нас тишина, то ли резкое движение при развороте машины привели Кострова в чувство.

— Как пассажиры? — было его первым вопросом. Он тяжело и прерывисто дышал.

— Кажется, у них все нормально, — пилот надел шлем, радуясь голосу командира. — Как вы? — Этого вопроса Берестов мог и не задавать, видел: дела у командира плохи. Потерял много крови и жил за счет внутренних запасов энергии. — Потерпите немного, — Берестов посмотрел на часы, — совсем скоро доставим вас в лазарет.

— Излишне, — ответил Костров, как-то уж очень спокойно и буднично, что больше всего потрясло в ту минуту Берестова. — Я хочу умереть в кресле своего самолета. — Губы его чуть подернулись, точно он еще хотел что-то сказать. И не мог, уронил голову на плечо. Берестов осторожно поднял ее и так, поддерживая, снял с его глаз летние очки.

— Не надо, Игнат Степанович, не надо, — твердил Берестов, глядя в застыгающее лицо своего командира.

Прошло минуты две или три, прежде чем пальцы Кострова разжались и он, исчерпав все силы, откинулся на спинку кресла. Некоторое время Берестов сидел в оцепенении, ничего не чувствуя и ничего не соображая. Разум не хотел принимать такую несправедливость.

«Для рождения и смерти время не выбирают», — час тому назад сказал Костров, точно приговор себе вынес.

...Пока Берестов, штурман и я выносим из самолета коченеющее тело команда, механик и бортяч соорудили из брезентового чехла что-то наподобие саней-волокуш для женщины, на тот случай, если ей станет идти невмоготу.

— Тут не так далеко. Скоро будете в безопасности, — подбадривали мы Дуню, представляя, сколько еще горя ей придется хлебнуть. А может, и сыну ее тоже.

Как-то сложится у них жизнь, думали мы. Узнать бы когда-нибудь.

Прежде чем отправиться в путь, она приблизилась к лежавшему на снарядных ящиках телу команда (нам показалось, что ноги ее обрели крепость), отогнула край чехла, которым оно было накрыто, и, опустившись на колени, припала головой к его груди.

— Прости меня, — тихо молвила она. — А память о тебе я и сын мой Игнат сохраним навсегда. — Лицо ее задрожало, скривилось, послышались всхлипы-рыдания. И у каждого из нас тоже подступил комок к горлу. Я крепко зажмурился, чтобы удержаться от слез. И все мы были доволны, что она дала сыну имя, которое носил наш командир, этим самым как бы перепоручив ему все то, что не смог, не успел сделать Костров.